

Русское Чтение

ч. 2

E $\frac{14}{19}$ ч. 2

РУССКОЕ ЧТЕНІЕ,

№ 14
19

ИЗДАВАЕМОЕ

Сергіемъ Глинкою.

42

изд. 1845

ДУХЪ ВѢКА

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

1

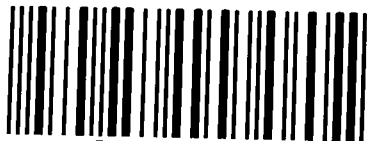
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ.
6 Октября 1839 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

2007041246

Типографія Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

НИС

ПАМЯТИ

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ,

моей первой благодѣтельницы.

Ты отрокомъ меня взыскала,
Ты разумъ мой образовала,
Ты въ сердце чувствія влила;
Благотворительной рукою
Ты правила моей душою,
Ты мнѣ жизнь новую дала.

Такъ говорилъ я Тебѣ въ началѣ 1793
года, въ бытность мою въ Кадетскомъ Кор-
пусѣ, куда Ты собственною рукою записала
меня, посѣтя жилище отцевъ моихъ, 1781 го-
да Іюня 4-го, на возвратномъ Своемъ пути изъ
Бѣлорусскаго края. И теперь тоже повторяю,
на порогѣ въ тотъ міръ, куда* Ты послала, го-

вора Твоими словами : «со всегдашнею благодарностью къ нашему Отечеству.» Жизнь моя гаснетъ, но признательность къ Тебѣ, не прекратится до послѣдняго біенія моего сердца. Пишу не исторію Твою, Ты отдала ее на судъ потомства. Воспоминаю только любовь Твою къ Русскому слову; Твое постоянное желаніе благоденствія Россіи, и Твое заботливое вниманіе къ народу Русскому, котораго счастье, по выраженію души Твоей, Ты предпочитала собственной Своей жизни.

1845 года, Августа 4.

С. Петербургъ.

Сочиненіе мое не относится ни къ политической, ни собственно къ военной исторіи царствованія Екатерины Второй. Предлагаю только исторію Ея мыслей и духъ Ея правилъ. 1737 года, въ духовномъ завѣщаніи сыну своему, Историкъ нашъ Татищевъ, сказалъ: «поколѣнія людей проходятъ, благотворительныя законоучрежденія остаются.» Тутъ же предлагаю мысли и правила людей вѣка Екатерины Второй, дѣйствовавшихъ на различныхъ поприщахъ.

Спросятъ: изъ какихъ источниковъ почерпалъ я *правила и мысли* ихъ? Отвѣчаю: изъ собственноручной ихъ переписки съ различными ихъ современниками.

Спросятъ, также, можетъ быть, *какія* могу представить на то свидѣтельства?

Во-первыхъ: Александръ Яковлевичъ Булгаковъ и незабвенный его братъ, давали въ руки

мой всю многочисленную и драгоценную переписку отца ихъ Якова Ивановича Булгакова съ Екатериною, съ Потемкинымъ, съ Суворовымъ и другими значительными лицами того времени.

Во-вторыхъ: кромѣ книги, изданной мною подъ заглавіемъ: «Суворовъ самъ собою описанный» у меня были и другія собственноручныя Русскія и Французскія письма Суворова.

Въ-третьихъ: были у меня также собственноручныя письма Князя Потемкина; не существующія въ перепискѣ Я. И. Булгакова.

Издавая семнадцать лѣтъ *Русскій Вѣстникъ* и занимаясь сочиненіемъ *Русской Исторіи*, я вездѣ отыскивалъ рукописи, относящіяся къ нашему Отечеству. Послѣ 1812 года, изъ великолѣпныхъ библіотекъ множество книгъ и драгоценныхъ рукописей перешли въ скромныя книжныя лавки на Ильинку. Нѣсколько такихъ памятниковъ продалъ я въ Историческое Московское Общество и въ тамошній архивъ иностранныхъ дѣлъ.

Говорю объ этомъ такъ отчетливо, потому что въ наше время настоятельно требуютъ фактовъ. Но что такое факты? Письменные и печатныя свидѣтельства о событіяхъ историческихъ. А всегда ли онѣ справедливы? Тацитъ отвѣчаетъ: «лѣтописи Римскія въ продолженіе семи сотъ

III

десяти лѣтъ одушевлялись краснорѣчіемъ и величіемъ духа ; но когда своекорыстіе заволокло души гражданъ, лесть и ласкательство исказили истинну.»

Аретинъ говорилъ : «у меня два пера : одно золотое , то есть , продажное ; а другое желѣзное ; то есть , не закупленное.»

Наконецъ, Вольтеръ посылая историческій отрывокъ къ другу своему Делавиллю, писалъ къ нему : «Мы условились, не смотря на законъ исторіи , исключать истинны. Пробыгите мою рукопись и если найдете еще какую нибудь истинну, требующую истребленія , то дружески извѣстите меня о томъ.»

Повторяю еще, что не входя ни въ какія политическія подробности царствованія Екатерины , буду особенно предлагать о любви Ея къ Русскому слову и о постоянномъ Ея вниманіи къ просвѣщенію Русскаго народа.

Прибавляю , что о военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ полководцевъ , буду помѣщать изъ первыхъ источниковъ , безъ всѣхъ замѣчаній и какъ тогда было писано. Выскажу также и о другихъ людяхъ вѣка Екатерины Второй , то , что знаю, или что слышалъ въ свое время.

ГЛАВА I.

Любовь Екатерины къ русскому слову. — Правила
Екатерины касательно русскихъ сочинений. — Мы-
сли Екатерины о Славянскомъ языкѣ. — Примѣръ
силы слова отечественнаго. — Правила основательнаго
сужденія, предложенныя Екатериною

«Я всегда старалась жить благодарнымъ
сердцемъ къ Россіи.»

(Слова Екатерины Второй).

Читаешь, пишешь предъ назоємъ,
И всѣмъ изъ своего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь.

Державинъ.

Германія — была *родиною* Екатерины Второй; Россія—Отечествомъ. Съ Ея душою, съ Ея перомъ, породнилось слово русское; въ изученіи его подражала Она пѣснопѣвцу Холмогорскому. Изъ заветныхъ источниковъ книгъ Славянскихъ почерпала Она первоначальное знаніе отечественнаго нашего слова. Наконецъ, прошедъ все поприще существовавшихъ тогда старинныхъ лѣтописцевъ, Она подарила Славянъ безсмертнымъ вѣнкомъ вниманія къ ихъ *языку*. «Распространеніемъ и умноженіемъ Славянскаго языка,» говоритъ Екатерина въ запискахъ своихъ касательно Россійской Исторіи: «доказывается распространеніе Славянскаго народа.» И потомъ прибавляетъ: «Многіе народы въ свѣтъ завоеваніями теряли свой языкъ, но Славянскій языкъ перенимали побежденные Славянами народы.»

Далѣе будетъ о духъ управленія Екатерины, а тутъ просто начну съ того, что переживаетъ и мимолетный блескъ побѣдъ и шаткія предположенія перелетной политики; начну съ мыслей Екатерины о нашемъ *родномъ словѣ*: о томъ словѣ, котораго старалась Она постиг-

путь и душу и силу и выраженіе и которое въ наше время, такъ справедливо названо: «двигателемъ народнаго духа.» (*)

«Нашъ русскій языкъ,» сказала Екатерина въ собесѣдникъ любителей руссійскаго слова: «Нашъ языкъ довольно богатъ.» Изрѣченіемъ: *нашъ языкъ*, Екатерина вполне усвоила себя нашему Отечеству. А обозрѣвъ все поприще слова русскаго. Она начертала правила къ руководству въ сочиненіяхъ отечественныхъ.

Первое правило: «Писавъ, думать недолго и немного, наипаче не потѣть надъ словами.» (**)

Приготовляясь писать, писатель передаетъ перу то, что мысль предварительно и вполне переселила въ его душу. «Я размышляю, слѣдственно существую, сказалъ Декартъ, жить и мыслить одно и тоже, если душа не затерялась въ томъ вихрѣ, который въ перелетахъ разсужденія уноситъ и мысль и слово.» А потому Екатерина, непрестанно занятая дѣйствіемъ мысли, сказала, что готовясь писать не должно долго думать.

Второе правило: «Слова класть ясныя и буде можно *самотеки.*» Эта истина высказана въ благовѣстіи: «отъ избытка сердца глаголютъ уста, и свѣтскіе писатели говорятъ, что живыя мысли истекаютъ изъ сердца и увѣковѣчиваютъ слово.»

(*) Выраженіе изъ доклада Государю, Министра Народнаго Просвѣщенія 1838 года.

(**) Собесѣдникъ.

Третье правило : «Краткія и самыя ясныя выраженія предпочитать длиннымъ и кругловатымъ.» Въ десятой Главѣ пророчествъ *Исаія* читаемъ: «Слово бо совершая и сокращая правдою, яко слово сокращенно сотворитъ Господь по всей вселенной.» Я ссылаюсь на Славянское изрѣченіе, потому что *Екатерина* находила въ нихъ особенную силу и смыслъ. Впрочемъ и русская посьловица говорить, что на правду не нужно много словъ.

Екатерина продолжаетъ: «за умомъ, за прикрасами гоняться не запрещается, однако употреблять ихъ *аки струи*.» Въ силѣ, въ самобытномъ распространеніи роднаго слова, украшенія, въ немъ самомъ почерпнутыя, развиваются подобно яснымъ струямъ прозрачнаго источника, отражающаго всю прелесть неба лазурнаго. Высокопарность—звукъ пустой. Известно, что *Демосѣенъ* называлъ *Θοκίона*, съкирою своихъ рѣчей. А *Θοκίωνъ* сказалъ, юному, высокопарному витіи *Λεοσѣену*: «юноша! твои рѣчи подобны кипарисамъ; онѣ высоки, но безплодны.»

Если кто въ русской бесѣдѣ съ *Екатериною* произносилъ иностранное слово, Она въ наказаніе заставляла того прочитывать по нѣскольку страницъ изъ *Телемахида*. Въ словѣ человѣческомъ и жизнь и смерть; жизнь — когда слово радушное лелѣетъ сердце; смерть или пораженіе, когда слово ненависти отуманиваетъ душу, предки наши говорили: «слово не стрѣла, а сердце сквозить; слово не стрѣла, а пуше уби-

ваеѣ.» Възвѣсивая, обдумывая каждое слово, Екатерина говорила: «Я хвалю вслухъ и при людяхъ, а журю на единѣ и потихоньку.» Слово отечественное — слово жизни народной, въ немъ сила, скрѣпляющая союзъ общественный отъ чертоговъ до хижинъ. Слово отечественное — торжество надъ душами и умами. Опытная древность справедливо назвала пословицы: *мудростію народною*. Одна изъ нашихъ пословицъ рѣзкою краткостію высказываетъ и доказываетъ силу и могущество роднаго слова. Слово, говоритъ русская пословица: «у мѣста и кстати, сильнѣе письма и печати.» Сильнѣе *письма* и *печати* отъ того, что оно, такъ сказать, гласный и явный представитель душевнаго бытія челоѣка. Оно не затѣсняется въ буквахъ и не закрѣплено переплетами. Оно свободно, какъ воздухъ, которымъ челоѣкъ дышетъ подъ сводомъ неба, въ полнотѣ мысли своей. За то какъ торжествуетъ сочетаніе нѣсколькихъ словъ, произнесенныхъ у *мѣста* и *кстати*. Вотъ примѣры изъ Русскихъ лѣтописей. Въ двѣнадцатый годъ предковъ нашихъ изъ Троицкой Лавры долетѣло на берега Волги: «Аще корня не будетъ, къ чему древу прилѣпиться?» И Мининъ мощною рукою поддержалъ и удержалъ завѣтное *древо* земли Русской. Въ присутствіи Петра Перваго, Голицынъ устремился на приступъ крѣпости *Шлюсельбургской*. Видя, что лѣстницы коротки, Петръ повѣстилъ отступленіе. «Не отступимъ, отвѣчалъ Голицынъ посланному. Скажи Государю, что мы теперь люди Божіи!»

Предъ началомъ битвы Полтавской, загремѣли въ полкахъ Русскихъ слова Петра Перваго: «вѣдайте о Петрѣ, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея!»

Вотъ и слова Екатерины произнесенныя на полѣ Полтавскомъ: «смотрите, сказала Она соутникамъ своимъ; смотрите, отъ чего зависить жребій Державъ земныхъ!... Одинъ день, одно мгновеніе нерѣдко рѣшаютъ судьбу ихъ! Одна погрѣшность, одинъ шагъ опрометчивый, уничтожили и славу и всѣ блестящіе успѣхи Карла XII. Тотъ, отъ кого трепетали Саксонія, Австрія, Италія, тотъ самый побѣдитель бѣжалъ съ полей Полтавскихъ, а безъ того и насъ бы здѣсь не было.»

Сила слова роднаго и въ полкахъ Екатерины не уступала силѣ оружія.

Полки пачи быстро летѣли и, уже каре Племянникова, подъ Кагуломъ, какъ сказано въ тогдашнихъ военныхъ извѣстіяхъ: «простирало руки къ овладѣнію укрѣпленіями.» Но внезапно изъ потаенной ложины устремились десять тысячъ янычаръ, ворвались въ каре и закипѣла рѣзня убійственная. Высмотрѣвъ тревогу взоромъ орлинымъ, Румянцевъ сказалъ Принцу Брауншвейгскому: «теперь наша пришла пора!» сказалъ, быстро поскакалъ къ каре и громко воскликнулъ: *стой, ребята! ваши отцы, ваши матери смотрятъ на васъ!* Откликнулся въ слухъ и въ душахъ Русскихъ воиновъ весь деревенскій ихъ бытъ отъ зари жизни до поступленія въ полки.